

Ли Вэньжуй

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ ПРИ ОПИСАНИИ
ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦ)**

В статье рассматриваются способы интерпретации русских паремий с компонентом-соматизмом в лингвокультурологическом аспекте. Попытка описания культурной коннотации фразеологических единиц позволяет провести анализ изменения аксиологического вектора пословиц на материале единиц с компонентами 'коса' и 'борода' в русской языковой картине мира в сопоставлении с единицами китайского языка. Описание культурной коннотации паремий позволяет выделить универсальное и национально-специфичное на материале двух неблизкородственных языков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 123-127. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. Кузнецова Л. Н., Беспалова С. В., Верещагина Л. В. Языковые особенности коммуникативной организации текстов немецкой политической рекламы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. 2. С. 98-100.
4. Кузнецова Л. Н., Трощева О. В. Специфика жанра и композиции рекламного дискурса немецкой прессы // NULLA DIES SINE LINEA: сб. науч. работ студентов факультета иностранных языков. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 138-141.
5. Кузнецова Л. Н., Трощева О. В. Языковые особенности дискурса рекламы // NULLA DIES SINE LINEA: сб. науч. работ студентов факультета иностранных языков. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 135-138.
6. Мещерякова Н. В. Стилистические и прагмалингвистические особенности рекламных текстов социальной направленности: дисс. ... к. филол. н. М., 2012. 241 с.
7. Стенина Ю. И., Третьякова И. В. Функционирование метафоры в немецкоязычном публицистическом тексте // Проблемы общего языкознания и когнитивной лингвистики: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. С. 217-221.
8. Талалай Т. С. К вопросу о рекламном дискурсе (на материале немецких текстов рекламы) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 11 (130). С. 94-99.
9. Brigitte: Frauenzeitschrift. Hamburg: Gruner + Jahr GmbH & Co. KG, 2015. № 1. 202 S.
10. Brigitte: Frauenzeitschrift. Hamburg: Gruner + Jahr GmbH & Co. KG, 2016. № 8. 180 S.
11. Die Zeit: Wochenzeitung. Hamburg: Zeitverlag Gerd Bucerius, 2016. № 18. 82 S.
12. Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ): Tageszeitung. Frankfurt am Main: Frankfurter Allgemeine Zeitung GmbH, 2016. № 90. 74 S.
13. Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ): Tageszeitung. Frankfurt am Main: Frankfurter Allgemeine Zeitung GmbH, 2017. № 18. 45 S.
14. Freundin: Frauenzeitschrift. München: Freundin Verlag (Burda), 2015. № 16. 168 S.
15. Freundin: Frauenzeitschrift. München: Freundin Verlag (Burda), 2016. № 22. 245 S.

PHONOSTYLISTIC FEATURES OF ADVERTISEMENTS IN THE GERMAN PRESS

Kuznetsova Lyudmila Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Bepalova Svetlana Vasil'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
 Tret'yakova Irina Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
 Ogarev Mordovia State University, Saransk
 lnkuznetsova@mail.ru; bespalovasv@yahoo.de; tret'yakovaiv@rambler.ru

The article is devoted to the linguo-stylistic analysis of an advertisement as one of the types of German-language advertising discourse. The main attention is paid to the complex description of the phonostylistic features of the investigated object by the material of modern printed publications of the German press. The described language tools help the author to create an original bright and expressive text of the German advertisement.

Key words and phrases: alliteration; assonance; rhyme; consonance; metaphor; personification; synecdoche; hyperbole; pun.

УДК 811.161.1+811.113.6:81'37:81'373.7:81-115

В статье рассматриваются способы интерпретации русских паремий с компонентом-соматизмом в лингвокультурологическом аспекте. Попытка описания культурной коннотации фразеологических единиц позволяет провести анализ изменения аксиологического вектора пословиц на материале единиц с компонентами 'коса' и 'борода' в русской языковой картине мира в сопоставлении с единицами китайского языка. Описание культурной коннотации паремий позволяет выделить универсальное и национально-специфичное на материале двух неблизкородственных языков.

Ключевые слова и фразы: лингвокультурологический комментарий; паремия; соматизм; внешность человека; аксиологический вектор; культурная коннотация.

Ли Вэньжуй

Санкт-Петербургский государственный университет
 feixuezaixiatian@gmail.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ ПРИ ОПИСАНИИ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦ)

Основная цель лингвокультурологического метода во фразеологии, по мнению М. Л. Ковшовой, «состоит в процессе культурной интерпретации фразеологизма, понимаемой как референция к предметной области культуры, в исследовании этого процесса и описании содержания, которое создаётся в его результате – культурной коннотации» [6, с. 148]. Пословицы мы будем понимать как «фразеологизмы со структурой

предложения, имеющие в своём значении идею всеобщности, иллюкативную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» [1, с. 69].

Целью нашего исследования является установление межъязыковых паремиологических соответствий, изучение которых служит потребностям перевода и обучения иностранным языкам, выявлению и описанию национального своеобразия паремиологических единиц каждого из языков, описанию их лингвокультурологического потенциала.

Лингвокультурологический комментарий является основным способом вычленения культурной коннотации паремий при описании внутренней формы и аксиологической ценности этих единиц. В данной статье мы рассмотрим паремии с компонентом-соматизмом.

Компоненты-соматизмы присутствуют в паремиях всех языков, они соотносятся с кодами культуры и дают наиболее объективный материал для лингвокультурологических наблюдений. В своей работе мы исследуем гендерные различия при описании внешности человека, поэтому в качестве примера в данной статье используются соматизмы, которые являются маркерами этих различий: компонент *коса* – как маркер женской внешности и компонент *борода* – как маркер мужской внешности.

Под *соматизмами* мы будем понимать «единицы русского языка, соотносимые с телом и телесностью» [7, с. 55], «название частей тела человека и их составляющих (голова, нога, палец, рука), всех органов и их элементов (глаз, нос, кровь, сердце), продуктов жизнедеятельности человека (слёзы, пот, слюна, желчь), частей скелета (кость, череп, хребет, колено), роговых образований на теле человека (волос, зуб, ноготь, щетина)» [5, с. 77].

В соответствии с данным определением, в состав соматизмов входит и слово *коса*, которое играет немалую роль при описании внешности юной девушки на материале паремий: *Коса – девичья краса; Руса коса до шелкова пояса; Расти, коса, до пола, расти, коса, до пят – женихи торопят; Девичья коса – всему городу краса; Девичья коса на всё село краса; Девичья коса на всю Москву краса* [8, с. 318].

Коса в толковых словарях русского языка определяется как «сплетенные в виде жгута несколько длинных прядей волос» [11, с. 242]. Основная мысль народной мудрости в том, что девичья коса – это краса (красота), т.е. то, что доставляет эстетическое наслаждение, радует глаз.

В пословице длина *косы* детализируется: *до шелкова пояса; до пола; до пят*. В составе паремий чаще всего встречается определение *девичья*. Не детская и не женская коса, а именно *девичья*: *Коса – девичья краса; Девичья коса – всему городу краса; Девичья коса на всё село краса; Девичья коса на всю Москву краса* [8, с. 318]. Противопоставление *баба – девка* в паремиях четко представлено: *Давно, когда еще баба девкой была; Девкой меньше – так бабой больше; Вспомнила баба свой девичник* [Там же, с. 26].

Для ребёнка красота волос неважна, для женщины на первый план выступают такие добродетели: *Коса до пояса, язык до колен; У бабы (женщины, жены) волос долог, да ум короток; У бабы волос длинный, а язык еще длинней* [Там же, с. 26-27]. Пословицы, построенные на противопоставлении *длинный – короткий, длинный – длиннее*, декларируют не красоту длинных волос, а наличие ума и умения молчать (неболтливость), эти два качества в женщине важнее красоты.

Коса в русской наивной картине мира – это не только красивые длинные волосы, но и знак языка, который становится знаком культуры – вербальным, оязыковленным символом внешности молодой красивой русской девушки.

И если *коса* в русской лингвокультуре – это атрибут сугубо женской красоты, то соматизм *борода* имеет отношение исключительно к описанию мужской красоты (или уродства). Слово *борода* имеет в русском языке несколько значений, мы будем использовать его в значении «совокупность волос, покрывающих подбородок, щеки и верхнюю часть шеи мужчины» [2, с. 578].

Этимологический анализ убеждает нас в том, что это слово обладает древней историей, знакомо многим языкам и народам и может обладать богатой и не совпадающей в различных культурах символикой.

В словарях символов *борода* трактуется как «символ силы и мужества, верховной власти» [3, с. 25]. В странах западной культуры означает «зрелость» [4, с. 37]. В странах Востока борода означает «старость» [12, с. 31].

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого борода определяется как «признак мужественности, воплощение жизненной силы, роста, плодородия» [14, с. 229]. Борода на Руси являлась, в первую очередь, атрибутом Бога, а также других персонажей божественного статуса (святых угодников). Черт же в народном представлении, в иконографии часто представлен «лысым», «голеньким» [Там же, с. 229-230].

Стереотипные и символические значения лексемы *борода* в русской лингвокультуре менялись несколько раз в зависимости от смены коллективных убеждений. Так, *борода* как принадлежность святых используется в целом ряде паремий: *Борода – образ и подобие Божие; Без бороды и в рай не пустят; Без бороды и в рай не ходи; Брить бороду – портить образ Христов; По бороде – Авраам (Абрам), а по делам – Хам (хам, дьявол); По бороде Никола, а по зубам – собака; По бороде хоть в рай, а по делам – ай, ай; Борода апостольская, а усок дьявольский* [8, с. 86-87]. Борода являлась и атрибутом внешности людей, оставивших след в русской истории: *Хоть с бородой да с усами, да не Сусанин; Борода Минина, а совет глиняна; показателем достатка: Бородачи все бываю богачи; У богатого и по бороде масло течет; символом мужской красоты: За эту бородку дали две новгородки, да третью ладожанку; показателем почтенного возраста: Седая бородушка, золотая головушка; У тебя борода, да и я не робя (не ребёнок); Борода сивая, да душа*

красивая; *Брадою честен стар, а разумом хвалён млад. Борода* выступала эталоном особой ценности в жизни мужчины: *Бороды, усов лишиться – что души решиться; Борода дороже головы* [Там же].

Соматизм *борода* являлся носителем положительной аксиологической оценки, символом уважаемого и почитаемого человека.

Но пословицы отобразили и иное отношение к этому атрибуту мужской внешности: *Борода – трава: скосить можно; Борода не в честь: она и у козла есть; Борода росла, а ума (разума) не принесла; Не за бороду – за ум (разум) жалуют; Борода с ворота (большая), а ума с прикалиток (мало); Борода с лопату (большая), а ума – кот заплакал (мало); Борода уму не замена; Борода длинна, да не к уму она; Борода с колесо, а брюхо голо; Бородой в люди не выйдешь; Бородуля не мужик; И по бороде знать, что лопатой звать; По бороде не батькой звать; Принёс свою бороду на посмешище городу* [Там же].

Судя по приведённым пословицам, носителю бороды отказывают в мужественности (*Бородуля не мужик*), над ним смеются (*Принёс свою бороду на посмешище городу*), отказывают в уме (*Борода уму не замена*). Другими словами, соматизм *борода* становится носителем отрицательной аксиологической оценки, выразителем отрицательной коннотации. Очевидно, что в какой-то момент русской истории произошла смена коллективных убеждений. Для описания причин изменения стереотипных и символических значений компонента *борода* обратимся к некоторым историческим фактам.

Для средневековой Руси вопрос ношения бороды был крайне важным. Этому способствовал особый уклад жизни, в котором борода считалась символом приверженности вере, свидетельством чести и предметом гордости.

В России обычай носить бороды приобретает черты религиозного культа с X века, когда бороду носили и чтили без участия церковного авторитета. В X веке Русь принимает Крещение. Борода становится символом библейских пророков и Христа с апостолами. То есть получилось так, что «Православная Церковь ещё более утвердила народную традицию ношения бороды и освятила этот обычай, вследствие чего борода делается символом одновременно и русской веры, и русской национальности» [13]. Отсюда вытекает и отношение к бороде как атрибуту Бога: *Борода – образ и подобие Божие; Без бороды и в рай не пустят; Без бороды и в рай не ходи; Брить бороду – портить образ Христов* [8, с. 86-87].

Мужское лицо без бороды служило символом греха: «...причиной случаев бритья бороды часто был содомский грех или просто блудная страсть, поэтому бриться было прямо запрещено. Порицание бритья бороды и усов вызывалось, помимо приверженности к старине, еще и тем, что бритье бород и усов ассоциировалось с пороком мужеложства, стремлением придать своему лицу женский облик» [13]. И эта особенность русской истории отразилась в паремиях: *Бороды, усов лишиться – что души решиться; Борода дороже головы* [8, с. 86-87].

Бороды на Руси начинают брить при царе Петре I. Царь никогда не носил бороды и считал стародавний русский обычай смешным. Он был хорошо знаком с абсолютно другой культурой и модой. На Западе бород не носили и над русскими бородачами насмехались [9]. Этот факт русской истории и послужил причиной изменения аксиологической оценки паремий с компонентом *борода*: *Борода – трава: скосить можно; Борода не в честь: она и у козла есть; Бородуля не мужик; И по бороде знать, что лопатой звать; По бороде не батькой звать; Принёс свою бороду на посмешище городу* [8, с. 86-87].

Язык вобрал в себя и сохранил на многие годы те изменения коллективного сознания, которые происходили в истории страны, и отразил их в паремиях.

Борода в Китае считается символом мужского начала. Существует мнение, что борода – это последний штрих в создании совершенного мужского образа.

Соматизм *волос* в китайской лингвокультуре играет очень важную роль при описании внешности человека, это акцентируется в такой китайской паремии: 身体发肤, 授之父母 [19, с. 775]. / *Родители дали детям кожу, волосной покров, тело – это часть родителей, поэтому этого лишиться нельзя* (здесь и далее перевод автора статьи. – Л. В.).

При описании внешности женщины китайцы обращают внимание не только на длину, но и на интенсивность цвета волос: 长发如雾又如云, 好似结绳绾君心 [Там же, с. 62]. / *Длинные волосы красивой девушки как туча и туман, ими как верёвками она привязывает сердце мужа; 黑发如瀑, 鬓若堆鸦* [Там же, с. 287]. / *Чёрные волосы как водопад, цвет висков как окрас перьев у вороны* – о красивой молодой девушке, имеющей длинные чёрные и блестящие волосы.

Хотя ворона в китайском языковом сознании является символом несчастья, но китайцы признают, что у вороны перо очень чёрное и блестящее. Известно, что только у молодых китайцев волосы обладают этими свойствами. Поэтому для женщины в древнем Китае длинные чёрные и блестящие волосы являлись эталоном красоты [20, с. 55].

В русской лингвокультуре интенсивность черного цвета при описании внешности человека тоже передаётся с использованием этого орнитонима в составе сравнения *как вороново крыло*:

У *Малиновской* среди остальных ее обычных гостей сидела незнакомая мне молодая девушка с огромной черной, *как вороново крыло*, косой, красивыми серыми глазами и немного смуглым цветом лица (Н. А. Морозов. *Повести моей жизни* (1913)) [10]; *Особенно ее смущает один из них, с черной, как вороново крыло, головой и с такими же черными, недобрыми глазами* (В. Осеева. *Динка прощается с детством* (1969)) [Там же]; *Сохранились многочисленные описания внешности Бернса, его «черных, как вороново крыло, волос» и его*

темных глаз, которые «сверкали молниями», когда что-нибудь задевало его за живое (М. М. Морозов. Роберт Бернс (1947)) [Там же].

Однако мы не можем утверждать, что черный цвет волос был у русских эталоном красоты, скорее наоборот, черный цвет был в немилости, как цвет беды, траура и смерти.

Борода и усы, как символ мужской красоты, также упоминаются в китайских паремиях. Борода и усы в китайских толковых словарях определяются как ‘волосистой покров, растущий у мужчин на нижней части лица’ [16, с. 434]; ‘волосистой покров вокруг рта’ [17, с. 154]. Усы в китайской культуре – символ взросления, поскольку их у детей или совсем молодых юношей нет. О безусых говорят: 嘴上没毛, 办事不牢 [19, с. 1045]. / Молодому, у которого нет усов, нельзя доверять важную работу.

До Маньчжурской (Цинской) династии у всех мужчин обязательно были длинные волосы, длинные и тонкие борода и брови. Густой волосистой покров – это символ красивой внешности, крепкого здоровья и гордости мужчины. В древности в Китае, так же как в определённый период истории в России, бритьё бороды, подстригание волос воспринимались как наказание [18, с. 43]: 苍髯如戟 [19, с. 57]. / Чёрная и жесткая борода как алебарда двузубая – так говорят о мужчине, имеющем величественную внешность. 割须弃袍 [Там же, с. 222]. / Брить бороду – потерять военный кафтан – об унылом внешнем виде мужчины-воина, который проиграл бой.

Борода в китайской культуре, так же как и в русской, – символ старости: 牙齿老缺, 胡子老白 [Там же, с. 1001]. / Когда стареешь, зубы становятся редкими, борода становится белой.

В результате проделанного анализа мы пришли к следующим выводам.

- Паремий с компонентом *коса* в китайском языке нам обнаружить не удалось. При описании женской внешности используется соматизм *волосы*. Красота женских волос в китайской лингвокультуре подчеркивается при помощи прилагательного *чёрный* (интенсивность цвета и блеск усиливают красоту волос), чего нет в русской лингвокультуре, т.к. за черным цветом в русском языке закреплена отрицательная аксиологическая оценка.

- Символика компонента *борода* частично совпадает в двух лингвокультурах: борода – это символ взросления, крепкого здоровья и гордости мужчины, с одной стороны, седая борода – это символ старости, почтенного возраста, с другой стороны.

- Лакунарными для китайской лингвокультуры являются паремии, в которых *борода* является символом христианской веры (в Китае исповедуется буддизм) или если в паремиях используются имена деятелей русской культуры (Минин, Сусанин).

- В китайской лингвокультуре аксиологический вектор паремий с компонентом *борода* всегда оставался положительным, в то время как в русском языке, в силу ряда исторических событий и смены коллективных убеждений, аксиологический вектор этих паремий менялся: от положительного к отрицательному и к нейтральному.

Выяснению подобных особенностей способствует лингвокультурологический комментарий как основной способ интерпретации паремий. Таким образом, лингвокультурологический комментарий позволяет выделить культурную коннотацию описываемых единиц; описать аксиологическую оценку и указать причины изменения аксиологического вектора паремий; найти сходства и различия в двух лингвокультурах, описать разницу образных оснований пословиц, особенности ассоциативных связей с понятийными и концептуальными структурами русской и китайской лингвокультур.

Список источников

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Большой академический словарь русского языка. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / под ред. А. П. Евгеньевой. СПб.: Наука, 2006. Т. 1. 737 с.
3. Вильямс К. А. Энциклопедия восточного символизма / пер. с англ. М.: Золотой Век, 1996. 432 с.
4. Жюльен Н. Словарь символов: иллюстрированный справочник / пер. с фр. Челябинск: Урал LTD, 1999. 512 с.
5. Занковец А. А. Влияние деривационной активности слова на его фразеологическую активность (на примере ЛСГ «соматизмы») // Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской: сборник материалов всероссийской научной конференции. Курган: КГУ, 2006. С. 77-78.
6. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 456 с.
7. Козыренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54-66.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
9. Налог на бороды Петра I [Электронный ресурс] // Русский Портал. URL: <http://www.ropscuu.com/060411.htm> (дата обращения: 15.12.2017).
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.12.2017).
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Изд-е 4-е, дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
12. Роголевич Н. Н. Словарь символов и знаков. Минск: Харвест, 2004. 512 с.
13. Самый нелепый и абсурдный налог при Петре I [Электронный ресурс]. URL: <https://moiarussia.ru/petr-pervii-i-borodi> (дата обращения: 15.12.2017).
14. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. I. 697 с.

15. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / Ин-т лингвистических исследований РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 4-е, стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 752 с.
16. **汉语大词典.** 北京: 中国社会科学院语言研究所, 2015. 1531 页 (Большой китайский словарь. Пекин: Китайская академия общественных наук, 2015. 1531 с.).
17. **新华字典.** 北京: 中国社会科学院语言研究所, 2015. 711 页 (Синьхуа: китайский словарь иероглифов. Пекин: Народное образование, 2015. 711 с.).
18. **刘大杰.** 中国文学发展史. 上海: 复旦大学出版社, 2007. 898 页 (Лю Дацзе. История развития китайской литературы. Шанхай: Фуданский университет, 2007. 898 с.).
19. **温端政.** 中国谚语大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 2011 年. 1130 页 (Уэнь Дуань Чень. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2011. 1130 с.).
20. **居阅时, 高福进.** 中国象征文化图志. 山东: 齐鲁出版社, 2010. 255 页 (Цзюй Юеши, Гао Фуцзинь. Энциклопедия символов китайской культуры. Шаньдун: Цилу, 2010. 255 с.).

**LINGUO-CULTUROLOGICAL COMMENTARY AS A PRIMARY METHOD OF INTERPRETATION
OF PAROEMIAS WITH THE COMPONENT-SOMATISM WHEN DESCRIBING PERSON'S APPEARANCE
(BY THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN AND CHINESE PROVERBS)**

Li Wenrui

*Saint Petersburg University
feixuezaixiatian@gmail.com*

The article deals with the ways of interpreting the Russian paroemias with the component-somatism in the linguo-culturological aspect. An attempt to describe the cultural connotation of phraseological units makes it possible to analyze the change in the axiological vector of proverbs by the material of units with components “kosa” (braid) and “boroda” (beard) in the Russian linguistic worldview in comparison with the units of the Chinese language. The description of the cultural connotation of the paroemias allows singling out the universal and nationally specific by the material of two not closely related languages.

Key words and phrases: linguo-culturological commentary; paroemia; somatism; person's appearance; axiological vector; cultural connotation.

УДК 811.133.1

Статья посвящена авторскому стилю романа современного французского писателя М. Уэльбека «Возможность острова» (“La possibilité d'une île”) и проблеме его передачи на русский язык. Автором работы выявлены лексические, синтаксические и стилистические особенности, присущие идиостилю анализируемого романа. Значительное внимание уделено специфике графического оформления текста, пунктуации, а также иностранной (нефранцузской) лексике. Исследование построено в виде сравнительно-сопоставительного анализа оригинала и его перевода, позволившего оценить адекватность передачи различных аспектов идиостиля и сделать выводы, основанные на многочисленном иллюстративном материале.

Ключевые слова и фразы: идиостиль; особенности авторского стиля; Уэльбек; «Возможность острова»; авторский замысел; перевод.

Лиходкина Ирина Александровна, к. филол. н.

*Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
irina.lihodkina@gmail.com*

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ АВТОРСКОГО СТИЛЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА М. УЭЛЬБЕКА
«ВОЗМОЖНОСТЬ ОСТРОВА» (“LA POSSIBILITÉ D'UNE ÎLE”) НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Фантастический роман “La possibilité d'une île” [5] («Возможность острова») современного французского писателя и поэта Мишеля Уэльбека (род. 1956 г.), обладателя значительных литературных премий и наград (премия «Ноябрь» (1998), Гонкуровская премия (2010), Дублинская литературная премия (2002)), был опубликован в 2005 г. и удостоен премии «Интералье». Перевод романа на русский язык был осуществлен в 2006 г. Ириной Стаф [4]. По мотивам произведения автором снят одноименный фильм, премьера которого состоялась в 2008 г.

Цель данной статьи – выявить лексико-грамматические и стилистические особенности, отличающие авторский стиль М. Уэльбека в романе “La possibilité d'une île”, и проследить методы и способы, примененные переводчиком для его (стиля) сохранения на переводящем (русском) языке.

Авторский стиль, именуемый также идиостилем, – «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [3, с. 95].

Д. Ногез считает, что истинная теория М. Уэльбека – «вдохновение как стержень всего романа» [2, с. 14; 6, р. 15]. «Он владеет несколькими стилями, от депрессивного лиризма до ликования иконоборца. Наиболее удобным, соответствующим его истинному “я”, его настоящему “таланту”, который находит отражение как в его стихах, так и в романах... является стиль эссе, написанного от первого лица» [2, с. 17; 6, р. 17].